

Узнав, что Ши Яо не может пошевелиться, Сяо Юй специально отобрал кроткую и внимательную служанку, чтобы та заботилась о ее повседневной жизни.

Время пролетело незаметно, и вот уже безмятежно минуло пять дней. В конце концов, утаить происходящее в усадьбе от матери Сяо Юя не удалось, и Чэн Сужоу все же обо всем узнала.

Услышав, что в покоях сына прячется женщина, она подумала, что подобный поступок излишне легкомысленен и роняет достоинство отпрыска знатного рода. Но, подумав еще немного, она решила, что сын, должно быть, наконец-то проявил интерес к противоположному полу и захотел с кем-то сблизиться, а потому это можно считать и добрым знаком.

От этих мыслей прежнее недовольство немного рассеялось, сменившись долей любопытства. Прихватив служанку, Чэн Сужоу с энтузиазмом направилась в Обитель Омовения Луной — ей не терпелось взглянуть, что за девица заставила сына, обычно избегавшего женского общества, сделать столь исключительное одолжение.

Однако, переступив порог и бросив взгляд на лежавшую на ложе особу, Чэн Сужоу словно окатили ледяной водой.

Кожа женщины на постели была опутана черными узорами, жуткими и отвратительными. Они придавали ее лицу злобещий, безобразный вид — о какой красоте тут вообще могла идти речь.

Сердце Чэн Сужоу рухнуло вниз, недавняя радость мгновенно испарилась, а в глазах застыло лишь изумление вперемешку с холодностью.

Ши Яо полулежала, прислонившись к изголовью кровати с мягким валиком из зеленого бамбукового ситца, и смотрела на покачивающиеся за окном листья граната. Ее взгляд словно прилип к кончикам листьев, затуманенный и потерянный.

Вдруг послышался шорох раздвигаемой занавеси, и в комнату вместе с порывом ветра ворвался тяжелый запах пудры. Она медленно повернула голову, скользнув взглядом по ворвавшейся женщине.

На висках незваной гостьи покачивались жемчуга и перья зимородка, подол роскошного платья пестрил вышивкой, но лицо при этом выдавало невозможность скрыть болезненную желтизну.

В глазах Ши Яо не было и ряби. Она равнодушно окинула взглядом черную дымку смерти, клубящуюся между бровей гостьи, и ее тонкие губы едва приоткрылись:

— Между бровей госпожи залегла чернота — боюсь, ее дни сочтены, и трех дней не проживет.

Служанка, прислуживавшая у изголовья, услышав такое, от страха едва не лишилась души.

Она тут же рухнула на коленки и затараторила:

— Прошу госпожу не гневаться! Девушка Ши пережила нападение горных разбойников, повредила рассудок и мелет языком что попало, не ведая границ. Умоляю, не извольте сердиться на нее и судить строго.

Речь ее еще не затихла, как из-за двери донесся частый стук шагов.

Сяо Юй отдернул полог и вошел как раз в тот момент, когда слова пророчества Ши Яо до единого залетели ему в уши.

Сердце его сжалось. Сделав широкий шаг вперед, он ухватил Чэн Сужоу за рукав и заговорил с умоляющей интонацией:

— Матушка, прости, во всем виноват твой сын. В тот день я встретил девушку Ши на дороге — она стала жертвой бедствия и лежала без чувств посреди дикого поля. Я не смог смотреть, как слабая женщина страдает от лишений, и тайком от тебя устроил ее в своих покоях. Как только девушка Ши поправится, я непременно отправлю ее в надежное место и больше ни за что не потревожу твой покой.

Чэн Сужоу издавна знала о добросердечности Сяо Юя и о том, что он не выносит чужих несчастий. В случившемся не было вины сына — другое дело сидевшая перед ними девушка: какими бы ни были ее прошлые страдания, подобные дерзкие речи все же выдавали полное отсутствие манер.

Она тихо вздохнула, протянула палец и легко ткнула Сяо Юя в лоб, укоризненно произнеся:

— Ах ты, дитя мое, ну до чего же мягкосердечен! Рано или поздно этот твой нрав тебя же и погубит. Ладно-ладно, пусть будет по-твоему.

Помолчав, Чэн Сужоу окинула взглядом комнату и добавила:

— Раз уж мне теперь всё известно, оставлять ее в твоих покоях невыносимо. Беседка Омовения Облаков твоей сестры уже давно пустует, да и место там уединенное. Отыщи там пустую комнату для гостей и устрой девушку.

Ши Яо сразу всё поняла: оказывается, эта женщина с благородными манерами — родная мать Сяо Юя.

Сяо Юй оказал ей милость, протянув руку помощи. Раз уж она приняла этот долг, у нее не было причин стоять в стороне и дать матери своего спасителя бесславно погибнуть.

Она уредила бурю в глазах, снова подняла взгляд на Чэн Сужоу и, внимательно изучив зловещую дымку смерти, смутно проступавшую на ее лице, все с тем же бесстрастным выражением медленно произнесла:

— Под деревом унтунг во дворе госпожи затаилась смертельная угроза. Если избавиться от этой напасти заблаговременно, пагубное предзнаменование скорой гибели удастся отвести.

Стоило ей это произнести, как лицо Чэн Сужоу мгновенно помрачнело, а в глазах мелькнул гнев.

Ради Сяо Юя она изначально не хотела затевать ссору с этой лишенной манер девицей, но та снова и снова заводи́ла речь о ее скорой смерти, каждым словом задевая самые болезненные темы. На сердце у госпожи заворочалась тяжесть.

Подавив бушующий гнев и вернув себе самообладание, она холодно фыркнула, взмахнула рукавом и уже собралась повернуться к выходу — ей больше не хотелось говорить с этой особой ни слова.

Заметив, что та торопливыми шагами направляется к выходу и вот-вот переступит порог, Ши Яо неторопливо добавила:

— Госпожа, та розовая служанка, что держится подле вас, носит на лице печать жестокости. В ней таится злой умысел против госпожи — не стоит пригревать на груди ядовитую змею.

Услышав это, девица в розовом платье мгновенно побелела как полотно и, задрожав всем телом, рухнула на пол.

Служанка забила челом оземь, бессвязно моля о пощаде. Куда только подевались ее прежняя покорность и услужливость!

Увидев это, Чэн Сужоу почувствовала, как у нее ёкнуло сердце. Недавний гнев целиком обернулся ледяным холодом, а по спине пробежали мурашки: оказывается, прямо под боком у нее прятался волк в овечьей шкуре, только и ждавший удобного момента, чтобы вцепиться в горло хозяйке.

Лицо ее стало чернее тучи, и она громовым голосом позвала стражу у двери:

— Связать эту неблагодарную тварь и бросить в караульную! Пусть содержат ее в строгом надзоре, а во всем разберемся позже, тогда и решим ее участь.

Слуги в несколько рук выволокли обмякшую, превратившуюся в лужицу грязи служанку.

Остановившись у порога, Чэн Сужоу отвесила Ши Яо церемониальный поклон:

— В семье случилось несчастье, и из-за такой грязной истории мне стыдно перед гостьей. Как только я разберусь с этой угрозой, непременно велю подготовить щедрые дары в знак благодарности.

Свита госпожи Чэн удалилась, и звуки шагов в галерее постепенно стихли.

Ши Яо отвела взгляд, переведя его на оставшегося в комнате Сяо Юя, слегка приподняла брови и бесстрастно произнесла:

— Разве молодой господин Сяо не последует за матушкой, чтобы посмотреть, как она поступит с этим делом?

Услышав это, Сяо Юй расплылся в открытой улыбке:

— Не беспокойтесь, девица Ши. Моя матушка происходит из семьи военачальников, в былые годы она вместе с моим дедом по материнской линии скакала по полям сражений и рубила головы врагам. Пусть она уже много лет замужем за отцом и ведет хозяйство, разве могут какие-то подлые и грязные интриги застать ее врасплох?

Он на мгновение замолк, и его взгляд упал на покрытое черными узорами лицо Ши Яо:

— К тому же, девица Ши только что ясно дала понять: стоит избавиться от этой напасти, и жизни матушки ничто не будет угрожать. Раз уж вы сами это сказали, к чему мне проявлять излишнюю суету?

Не успел он договорить, как Сяо Юй внезапно извлек из-за пазухи какой-то комочек — сплошь черный, словно уголек, — и протянул Ши Яо.

— Сегодня мы с братом Шэнем прогуливались по окрестностям и случайно натолкнулись на этого зверька, свернувшегося клубочком в траве. Он показался мне таким жалостливым, что я подобрал его. Подумал, что вам, девица Ши, нездоровится и дни напролет сидеть взаперти скучно. Принес его, чтобы хоть немного вас развеселить.

Ши Яо опустила взгляд: перед ней оказался крошечный, размером с ладонь, черный щенок. Его шерстка вилась тугими мягкими пружинками, напоминая комочек мятого черного бархата.

И при этом круглые глазенки зверька источали дикий, строптивый нор; когда он поднимал голову и глядел исподлобья, в его взгляде читалось этакое пренебрежительное высокомерие, совершенно не вязавшееся с крошечным мягким телом.

В душе Ши Яо шевельнулось легкое брезгливое чувство, но тут же мелькнула и другая мысль: в ее нынешнем состоянии пройдет немало дней, прежде чем она сможет двигаться легко и свободно. Сидя целыми днями в одиночестве, она неизбежно зачахнет от скуки, а с таким шустрым созданием под боком удастся хоть немного скрасить время.

Протянув руку, Ши Яо бережно подхватила черного щенка и устроила его на коленях. Кончики ее пальцев скользнули по теплой шерстке, и она невозмутимо произнесла:

— Будешь зваться Уван.

Имя сорвалось с губ само собой, заставив ее сердце едва заметно дрогнуть. Выражение мордочки этого зверька до боли напоминало кое-кого другого — человека, который обычно точно так же ходил с каменным лицом, излучая отчужденность и горделивое превосходство, отталкивающие любого.

Мысли Ши Яо унеслись далеко-далеко. Вспомнила ли она, сколь дерзкой и пылкой была в прошлом? Разве могла она когда-либо пасть столь низко?

Узнай тот человек, что она нынче заперта в четырех стенах и влачит жалкое существование в остатках тела Мэйвана, —

Непременно бы поигрывал нефритовым веером и, кривя губы в насмешливой улыбке, стал бы подкалывать ее: Разве это та самая грозная госпожа Ши Яо? Как же тебя угораздило докатиться до такой жалкой жизни?

Стоило лишь вообразить это издевательское выражение лица, как в груди Ши Яо тут же взметнулась волна жгучего гнева.

<http://bllate.org/book/19421/1901965>